

Глава 2

АННАЛЫ И ЛЕТОПИСИ

Сходство (по меньшей мере, внешнее) англо-саксонских анналов и русских летописей совершенно очевидно. Эти тексты устроены почти идентично, многое роднит их и в плане содержания. Однако наряду со сходством, конечно, можно отметить и различия – менее очевидные, однако тоже существенные.

Вся эта глава будет посвящена сопоставлению англо-саксонских анналов и древнерусских летописей. Сравнение будет вестись по следующим параметрам: внутренняя форма (структура текста; словесные формулы, задающие эту структуру; состав сообщений); рукописи, их внешний облик и окружение в них; тематика сообщений, круг интересов летописцев; статус и авторство (где, кто и по чьему заказу составлял анналы и летописи). В этой главе не будет рассматриваться такой важный, даже ключевой для изучения анналов и летописей аспект, как *процесс работы* летописцев: этому вопросу целиком будет посвящена вторая часть настоящей монографии.

Начнем же мы с общих вопросов, таких как значение самих терминов «анналы» и «летописи», комплекс сохранившихся текстов и основные вехи истории англо-саксонской анналистики и древнерусского летописания.

§ 2.1. О значении терминов «анналы» и «летописи»

а. «Анналы» и их соотношение с «хрониками»

Термин «анналы» известен каждому медиевисту как название одного из важнейших видов исторических источников. Это слово вошло во многие языки из латыни («*annales*»), где оно обозначает тексты, рассказывающие о событиях *по годам* (от «*annus*» – «год»). Слово «анналы» и в латыни, и в современных европейских языках – множественного числа, причем может обозначать как один текст данного жанра, так и их совокупность. В английском языке существует слово «*annal*» (в единственном числе), обозначающее годовую статью анналов, однако в русском языке прижилась только форма множественного числа.

Несмотря на кажущуюся простоту, со словом «анналы» связана определенная терминологическая путаница. Во-первых, не всегда одинаково проводится (и вообще, не всегда проводится) граница между понятиями «анналы» и «хроника». Во-вторых, в научной литературе на разных язы-

ках и применительно к истории разных стран существует различная традиция употребления слова «анналы». Я не буду обсуждать здесь «анналы» хеттских и ассирийских царей, равно как и употребление термина «анналы» применительно к Античности – от римских понтификальных анналов до «Анналов» Тацита. Не будут, естественно, обсуждаться здесь и современные значения слова «анналы» – в составе названий различных журналов, фразеологизма «занести в анналы» и т. д. В поле зрения этого параграфа – только Средние века и только Европа.

В мою задачу также не входит анализ словоупотребления средневековых книжников. Это самостоятельная, весьма непростая проблема¹ и, к тому же, не имеющая прямого отношения к задачам этой монографии (ведь, например, у английских анналов IX – начала XII в. вообще нет никакого самоназвания, таковое просто ни разу не встречается). Цель этого параграфа – определиться с терминологией, которая может употребляться в современном исследовании: какую разновидность текстов уместно называть анналами и в чем отличия этой разновидности от других, родственных ей? С этой целью надо посмотреть в первую очередь на работы современных исследователей: что подразумевается в них под «анналами» и как они определяют, что это такое?

Нижеследующая подборка мнений и определений не претендует на полноту. Понятно, что определения анналов можно встретить где угодно – в учебниках, словарях, статьях, обобщающих работах и исследованиях, посвященных конкретным сюжетам. Тем не менее, как кажется, приводимая ниже выборка определений и суждений исследователей достаточно представительна для того, чтобы суметь сформулировать мое собственное определение анналов.

Начнем с того, что анналы традиционно рассматривают как «наиболее примитивную форму средневековых исторических записей»² и иногда даже не считают такого рода тексты заслуживающими специального внимания в обзорах средневековой историографии³.

¹ Об этом см.: *Guenée B. Histoires, annales, chroniques: Essai sur les genres historiques au moyen âge // Annales: Economies, sociétés, civilisations. 1973. Vol. 28, N 4. P. 997–1016* (у Б. Гене здесь в основном идет речь о разграничении между «анналами» и «хрониками», с одной стороны, и «историями» – с другой, причем он констатирует, что даже это разграничение в Средние века было крайне нечетким). См. также: *Гене. История. С. 236–240; Dumville. What is a Chronicle? P. 1–4; Foot. Finding. P. 89–90.*

² *Smalley. Historians. P. 56.*

³ Ср.: «Историография, если не считать анналов, прекратилась на Континенте примерно в конце IX – начале X в.» – и далее рассказ о немногих исключениях (*Ibid. P. 79 ff.*). Ср. также: «Что касается Англии, то здесь в историографии на протяжении всего XI в. вообще не появилось ничего достойного внимания. В некоторых монастырях велись анналы... но такой примитивной регистрацией событий и ограничивалась вся историографическая деятельность английских монахов» (*Вайнштейн. Историография. С. 141*). В противоположность этому мнению в настоящей монографии английским анналам XI в. уделено очень большое внимание (см. особенно главу 7).

Л.Н. Беркут называл анналами «более или менее краткие, но всегда снабженные определенной датой заметки о событиях, совершившихся в течение известного года»⁴.

Р. Пул, написавший небольшую, но очень содержательную книжку «Анналы и хроники» (изложение одноименного курса лекций, прочитанного им в 1924 г.)⁵, с самого начала четко отделяет «хроники» от «историй», ссылаясь при этом на Гервазия Кентерберийского (конец XII в.). Если «истории» – это литературный и подробный рассказ об исторических событиях, то «хроника» – краткое изложение событий в хронологическом порядке⁶. В дальнейшем мы увидим, что никто не смешивает «анналы» или «хроники» с «историями», а вот вопрос о том, следует ли разграничивать «анналы» и «хроники», вызывает разногласия.

Р. Пул точного определения «анналов» (и, соответственно, признаков, по которым их можно отделить от «хроник») не предлагает. Слово «анналы» впервые появляется в его книге в связи с записями на пасхальных таблицах. По словам ученого, эти записи «представляют собой самый ранний тип средневековой хроники, который, чтобы не путать его с более пространными сочинениями, удобно обозначить словом “анналы”»⁷. В дальнейшем, однако, Пул называет «анналами» не только записи на пасхальных таблицах, но и франкские анналы VIII–IX вв., и английские анналы IX–XII вв. (т. е. так называемую Англо-Саксонскую хронику, о которой в основном и пойдет речь в этой главе)⁸. Лишь подводя итог рассказу об английских анналах, Пул отмечает, что со временем погодные статьи разрастаются, никакая пасхальная таблица уже не могла бы их вместить, и перед нами – уже не анналы, а хроника⁹. Таким образом, согласно Пулу, «анналы» – это хроника с очень краткими погодными статьями, которая или написана на полях пасхальной таблицы, или существует в рукописи отдельно, однако не сильно продвинулась в своем развитии по сравнению с записями на пасхалии и при желании вполне могла бы там поместиться¹⁰.

А.Д. Люблинская определяет анналы просто: «Анналами (*Annales*, от *annus* – год) назывались в Западной Европе летописи». Определяя анналы как «летописи», исследовательница, конечно, отсылает к хорошо известным российскому историку древнерусским летописям, сходство анналов с которыми, как я постараюсь показать ниже, действительно несомненно.

⁴ Беркут. Возникновение. С. 1.

⁵ Poole. *Chronicles and Annals*. P. 5.

⁶ Ibid. P. 7–8.

⁷ Ibid. P. 26.

⁸ Ibid. P. 28–47.

⁹ Ibid. P. 48.

¹⁰ А о франкских анналах Пул пишет: «Если говорить о более поздних больших анналах, то здесь мы видим развитие анналов в хроники, находящиеся уже на полпути к историям» (Ibid. P. 34).

Далее идет рассказ о том, что первые анналы писались на пасхальных таблицах, а позднее – в отдельных рукописях, а также об особенностях ведения анналов: «С конца VII в. они велись уже систематически из года в год. ...между ранними анналами существует не только большое сродство, но в некоторых случаях и полное совпадение текста, поскольку монастыри систематически обменивались анналами для проверки и пополнения своих записей. Зачастую текст чужих анналов клался в основу летописания во вновь возникших монастырях, дополнялся сведениями о местных событиях и продолжался далее»¹¹.

По мнению А.Д. Люблинской, «анналы вместе с “историями” были той основой, из которой развились хроники, содержащие уже не отдельные погодные записи, а более или менее связное изложение событий. Впрочем, ранние хроники VII–IX вв., а отчасти и X–XII вв. еще очень близки по своей форме к анналам, так как авторы, перерабатывая и комментируя анналы, подчиняли, до известной степени, свое изложение той же форме»¹². Таким образом, хроники отличаются от анналов, по мнению исследовательницы, большей связностью изложения.

Согласно О.Л. Вайнштейну, «обычно анналами называют краткие и сухие погодные записи событий, хрониками (реже хронографами) – произведения, дающие более распространенное и связное изложение, историями – работы, в которых наряду с хронологической дается прагматическая связь события и предлагаются объяснения их причин и следствий»¹³.

В.Р.Р. МакГуир пишет:

На практике анналы и хроники часто сложно различить – как в плане содержания, так и в плане формы. Однако в теории это разные жанры. Анналы можно охарактеризовать как краткое перечисление в хронологическом порядке событий, которые кажутся важными для истории того или иного королевства, епископской кафедры, монастыря и т. д.; их пишут современники событий, обычно остающиеся анонимными. Хроники тоже перечисляют подобные события в хронологическом порядке, однако в них появляется больше деталей, относящихся как к прошлому (даже отдаленному), так и к современности. Мы часто знаем имена авторов хроник. В высокое Средневековье анналы в названном понимании уступают место хроникам, однако термин “анналы” продолжает употребляться, обозначая то, что, скорее, уместно было бы назвать “хроникой”...¹⁴

Таким образом, МакГуир видит три основных отличия анналов от хроник: 1) краткость *vs* детальность повествования, 2) фиксирование совре-

¹¹ Люблинская. Источниковедение. С. 41.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Вайнштейн. Историография. С. 104.

¹⁴ McGuire V.R.P. *Annals and Chronicles* // *New Catholic Encyclopedia*. 2nd ed. N.Y., 2003. Vol. 1. P. 459–460 (первое издание вышло в 1967 г.).

менных событий vs ретроспективность, 3) неизвестность vs известность имени автора (последний признак, насколько можно понять, факультативен). Характерно, что МакГуир обозначает англо-саксонские анналы так: «Англо-Саксонская хроника, а точнее – древнеанглийские анналы»¹⁵.

Б. Лакруа четко разделяет «истории», «хроники» и «анналы»:

В отличие от автора “истории”, анналист, как кажется, не имеет перед собой четкого плана, не делит свое сочинение на книги и главы; он пишет постепенно... год вслед за годом. Он часто продолжает произведение, начатое его предшественниками; в большинстве случаев это анонимное произведение, создаваемое или при епископских кафедрах, или в монастырях, или при дворах... Наиболее распространены монастырские анналы. <...>

Что же касается хроники, то это тоже собрание (codification) фактов и дат. В своей средневековой форме хроника мало отличается от анналов; она стремится сделаться универсальной за счет того, что избирает отправной точкой какое-нибудь всеми признаваемое и включенное в гражданский или церковный календарь событие. Чаще всего это рождение Адама или Рождество Христово. Хронист подтверждает фактами или расположенными один за другим рассказами календарь времен. Его произведение, которое он называет “chronicon”, “cronicon”, “cronica” или “chronica”, “chronographia” или “imagines historiaram brevissimaeque commemorationes temporum”, – это описание времен (“descriptio temporum”), главная цель которого – рассказать читателю о том, что мы бы сегодня назвали историческим континуитетом и ритмами большой длительности (la continuité historique et les rythmes de longue durée).

Последствия известны: краткие хроники превращаются постепенно в развернутые повествования... Из простого собирателя (“assertor”) фактов хронолог становится... декламатором (“recitator”), рассказчиком (“expositor”) и, наконец, автором (“auctor”). Ни Евсевий, ни Иероним не могли предположить, что у них будут такие словоохотливые последователи, как Фрекульф из Лизьё, Регинон Прюмский, Мариан Скотт, Сигеберт из Жамблу и, особенно, Винсент из Бове¹⁶.

Таким образом, согласно Б. Лакруа, анналы и хроники – это разные, хотя и родственные, разновидности исторических текстов. Главным признаком, отличающим хронику от анналов, является наличие *цельного* замысла, состоящего в изложении *универсальной* истории с упором на хронологию. Соответственно, хроники обычно имеют *автора*, которому принадлежит этот замысел, а анналы – анонимны, составляются и продолжают разными авторами, постепенно и иногда – из года в год. При этом к хроникам относятся довольно разные произведения – от стоящей у истоков средневековой историографии «памятки» по всемирной истории Евсевия–Иеронима

¹⁵ Ibid. P. 462.

¹⁶ Lacroix B. L'historien au moyen âge. Montréal; P., 1971. P. 36–39.

(IV в.) до развернутых повествований развитого Средневековья. В любом случае, – полагает Б. Лакруа, – грань между анналами, хрониками и историями довольно зыбкая: например, много общего можно найти между такими текстами, как заключительная часть Бертинских *анналов*, *Хроника* Адона Вьеннского и «*История англов*» Генриха Хантингдонского¹⁷.

Иногда авторы обобщающих работ объясняют читателю, что такое анналы, через характеристику *процесса их создания*. Так, Б. Смолли пишет:

Анналы могли пополняться систематически или время от времени. Монахи одного монастыря могли заимствовать анналы у монахов другого; они могли делать дополнения к уже написанному тексту и продолжать анналы за новые годы. ...Исследование анналов кто-то удачно сравнил с расслаиванием луковицы: любая серия записей имеет под собой еще один слой...¹⁸

М. МакКормик – автор брошюры об анналах в серии «Типология источников средневекового Запада» – пишет об анналах следующее:

В недавней статье Б. Гене проанализировал значения слов “анналы”, “хроники” и “истории” в период Средневековья¹⁹. Тексты, которые использует Гене, показывают, что, в теоретическом плане, в Средние века эти жанры различались мало. Как этот вывод должен отразиться на нашем определении анналов?

Если говорить об употреблении слова “хроника” в латинском языке, то обычно речь идет о том значении, которое вкладывал в это слово Евсевий. Первоначально слово “хроника” относилось к традиции универсализирующего историописания (*historiographie universalisante*), моделью и источником которого была хроника Евсевия Кесарийского. Использование слова “анналы”, напротив, было очень расплывчатым. Первопричина состоит в том, что примитивные анналы вообще не имели самоназвания.

<...> Отметим, что такая же путаница существует и в терминологии других литературных жанров Средневековья. ...Но разве смешение понятий средневековыми книжниками – это повод для нас отказаться от разграничения жанров исторических источников?

Большинство специалистов, рассматривавших эту проблему, различают эти два жанра, хотя по-разному говорят о том, в чем состоит это различие...

По каким критериям можно различать анналы и хроники? В первую очередь, у них очень разные корни. Хроники происходят из литературной традиции, появившейся на Западе вместе с переводом хроники Евсевия, осуществленным Иеронимом. Анналистическая традиция средневековой Европы, напротив, не восходит ко времени более древнему, чем VII–VIII вв.: в своей примитивной форме анналы родились на полях литургических рукописей и представляют собой собрание самых разнородных исторических

¹⁷ Ibid. P. 40.

¹⁸ Smalley. *Historians*. P. 58.

¹⁹ Имеется в виду уже упоминавшаяся статья: *Guenée B. Histoires, annales, chroniques...*

записей. Примитивные анналы никогда не перерабатывались в духе какой-то одной, понятной модели.

Затем, анналы и хроники различаются по тому, о каких событиях эти тексты рассказывают. Хроники интересуются историей со времен Сотворения мира. Примитивные анналы отмечают отдельные события современной истории. Отсюда вытекает третье различие – различие, так сказать, в оптике этих произведений. Хроники посвящены универсальной истории, истории с самого начала, “series temporum”; примитивным анналам не свойствен, так сказать, общий интерес к истории. В первые два века своего существования анналы и только они пользовались эрой Дионисия²⁰ для датировки своих сообщений. Наконец, в хрониках в большей степени наблюдается тенденция к структурированию изложения: им не чужды предисловия, разделение на книги и главы.

Проблема различения анналов и хроник усложняется по мере дальнейшей эволюции этих жанров. В 906 г. впервые латиноязычная хроника начинает использовать эру Дионисия. С этого момента два жанра начинают сближаться, а к XII в. можно отнести окончательное слияние этих двух литературных традиций²¹.

Итак, М. МакКормик, подобно Б. Лакруа, различает «анналы» и «хроники» довольно четко, говоря об особенностях каждого из этих двух жанров.

Краткое, но емкое и очень удачное, на мой взгляд, определение анналов дал в книге об ирландских анналах Г. МакНиокаль:

Анналы можно определить как записи о событиях, расположенные по годам, в которые они происходили, и без обязательной [логической] связи между ними. Анналы могут рассматриваться (и часто рассматриваются) как своего рода картотека (a series of file cards); анналы варьируют от простейших заметок о событиях до пространных и детальных рассказов²².

Авторы «Путеводителя по историческим источникам Средневековья» определяют анналы так: «Анналы обычно состоят из кратких, сухих заметок о фактах, расположенных строго по годам. В отличие от хроник, они обычно не рассказывают о столь давних временах, как языческая Античность или раннехристианский период. Иногда, однако, в начале анналов находится компиляция, рассказывающая об очень древних временах. Такое смешение жанров (types) случалось довольно часто. Иногда анналы и хроники различают как “мертвые” и “живые” хроники...»²³. Далее следует рассказ о первых анналистических записях на пасхалиях и произошедших

²⁰ Т. е. принятым сейчас летосчислением от Рождества Христова.

²¹ McCormick. Les annales. P. 10–13.

²² MacNiocaill G. The Medieval Irish Annals. Dublin, 1975. P. 13.

²³ Caenegem, Ganshof. Guide. P. 30. В последнем предложении, очевидно, имеется в виду то, что анналы ведутся (по крайней мере, в теории) из года в год, а хроники – в большей степени авторское, законченное произведение. О терминах «мертвые» и «живые» летописи речь пойдет ниже.

от них анналах разных стран – франкских, ирландских, английских и др.²⁴ Что касается хроник, то они «захватывают в своем рассказе далекое прошлое, в начальных своих частях являясь компиляциями из более ранних хроник и других источников. В хрониках обращается особое внимание на последовательность эр и методы хронологии... Наконец, в принципе они повествуют о всемирной истории или, иначе говоря, об истории западного христианства...»²⁵. Правда, наряду с всемирными хрониками, существуют еще хроники «национальные, региональные и местные. Они тоже начинают рассказ с очень давнего прошлого (пусть и очень сжато), тоже представляют материал в строго хронологическом порядке и тоже называют себя “chronicon”. В них намного больше детальной информации, чем во всемирных хрониках, и они обычно рассказывают об истории аббатства, церкви или княжеского дома, иногда превращаясь в региональную или национальную историю»²⁶.

Вот что пишет о разграничении «анналов», «хроник» и «историй» Б. Гене:

В первые столетия Средневековья определения, которые теоретики давали анналам, хроникам и истории, были довольно туманными, и эти три слова часто употреблялись одно вместо другого, как полные синонимы. Иногда, однако, становились ясны различия между ними. Чтобы уяснить себе разницу между хроникой и историей, достаточно было обратиться к латинским переводам двух сочинений Евсевия Кесарийского, имевшимся в каждой хорошей исторической библиотеке, *Церковной истории* и *Хронике*. В *Истории* на первом месте было повествование, в *Хронике* – хронология. *История* представляла собой “полностью заверченный рассказ”, *Хроника* – “конспект”, краткое изложение мировой истории в хронологических таблицах. Анналы представляли собой нечто совсем другое. Первые анналы появились примерно в VII–VIII веках. Тогда это были краткие заметки, следовавшие год за годом на полях пасхальных таблиц, – по этим заметкам община сохраняла память о важнейшем событии или событиях года. Постепенно место на полях стало считаться недостойным их: теперь анналы писали прямо на чистых страницах. Текст, получив самостоятельное значение, стал более пространным; подчас это уже были не простые заметки, а короткие повествования. Но в любом случае у анналов оставались две основные отличительные черты: события отмечались в них по мере того, как они становились известны; они записывались под номером года, в котором произошли или хотя бы стали известны. В целом анналы, эти ежегодные записи, представляют собой сырье, необходимое в работе историка, но их может вести кто угодно: сами они трудом историка не являются.

Хроника – дело другое. Это сознательный и продуманный труд историка, который, беря за образец и продолжая усердные труды Евсевия Кесарийско-

²⁴ Ibid. P. 30–34.

²⁵ Ibid. P. 20.

²⁶ Ibid. P. 22.

го, пытается восстановить хронологию прошлого. Анналы и хронику роднит только то, что в хронике события тоже записываются по порядку, каждое под тем годом, к которому его относят изыскания ученого. Таким образом, два совершенно различных подхода выливались в похожие формы.

Со временем разница между анналами и хроникой все больше стиралась...²⁷

Итак, Б. Гене выделяет такие черты анналов, как ведение из года в год (фиксирование современных автору событий), погодный принцип изложения и, наконец, отсутствие цельного замысла: анналы – в отличие от «хроник» – это не «сознательный и продуманный труд историка».

Х. Уайт в знаменитой теоретической статье об историческом нарративе четко различает анналы, хроники и истории по степени выраженности в них нарративного начала:

Анналам нарративное начало не свойственно вовсе, так как они состоят из одного лишь перечня событий, расположенных в хронологическом порядке. Хроника, напротив, как кажется, стремится к тому, чтобы *рассказать* (курсив мой. – Т.Г.) историю, к нарративности, однако, как правило, ее не достигает. Точнее, для хроники, как правило, характерно отсутствие нарративной концовки. Она не сколько завершается, сколько просто оканчивается. Она имеет зачин, но обрывается *in medias res*²⁸, на эпохе, современной для хрониста...²⁹

Уайт обращает внимание на последовательность годов (включая «пустые») как на единственную «сюжетную» линию анналов³⁰, тогда как в хронике о событиях *рассказывается*, появляется некая цельность, центральный сюжет, т. е. нарративное начало:

По общему мнению историков историописания, хроника – это более “высокая” форма осмысления истории, более развитый способ представления исторических событий. Превосходство хроники заключается в ее большей цельности, в организации материала “по темам и правлениям” и в большей нарративной связности. Для хроники также характерен центральный сюжет – жизнь конкретного человека, города или региона, какое-нибудь важное предприятие (вроде войны или крестового похода) или какой-нибудь институт: монархия, епископия или монастырь. Родство хроники с анналами можно усмотреть в сохранении хронологии как организующего принципа ее дискурса, и как раз это делает хроникой чем-то меньшим, нежели полноценная “история”. Кроме того, подобно анналам и в отличие от истории, хроника не завершается, но только оканчивается; как правило, в ней нет концов-

²⁷ Гене. История. С. 236–237.

²⁸ На середине вещей (лат.).

²⁹ White. The Value. P. 5.

³⁰ Ibid. P. 6–16. Уайт анализирует только текст Сент-Галленских анналов за первую треть VIII в., т. е. очень краткие анналы.

ки, в которой бы резюмировалось “значение” описанной цепи событий, чего мы бы ожидали от правильно построенного рассказа. В хронике концовка обычно бывает обещана, но не написана, и это – одна из причин, по которой издатели XIX в. не признавали за хрониками права называться полноценными “историями”³¹.

Х.М. Писарро определяет анналы так:

В идеале анналы составлялись из года в год, записи делались непосредственно после событий или в том же году. В реальности, однако, статьи за много лет подряд часто составлялись “задним числом”; анналы, созданные в одном регионе, использовались в другом или ложились здесь в основу последующего ведения анналов. Первоначальная функция анналов состояла в том, чтобы создать хронологическую схему, соотнеся каждый год с какими-либо памятными событиями. Считается, что анналам не свойственны такие неотъемлемые черты нарратива, как выдержанность в одном стиле, наличие концовки, единого автора и его цельного видения истории (здесь ссылка на мнение Х. Уайта. – Т.Г.). Это, однако, больше касается идеальных анналов... нежели реально дошедших до нас раннесредневековых текстов. На самом деле часто целые серии погодных статей бывают написаны одним анналистом, и еще чаще уже написанные анналы редактировались и дополнялись, приводились в соответствие с точкой зрения какой-либо корпорации или личности³².

Подведу промежуточный итог. Как правило, разграничивая анналы и хроники, исследователи говорят об *истоках* двух традиций, которые со временем сближались. В качестве черт анналов (и их отличий от хроник) называют: погодный принцип изложения (это роднит анналы с хрониками), краткость (хроники более пространны), дискретность (разные сообщения и статьи анналов могут быть никак тематически не связаны друг с другом), отсутствие целостного замысла, общего взгляда на историю (в хрониках, наоборот, он присутствует), отсутствие структуры (кроме погодной сетки, в хрониках, напротив, такая структура может иметь место), фиксирование современных анналисту событий (хроники же начинают изложение от Сотворения мира или какой-то еще отправной точки в далеком прошлом), многослойность и продолжение анналов разными авторами, анонимность (у хроник автор часто известен, авторство более четко выражено), отсутствие модели, образца для подражания (каковым для хроник является хроника Евсевия Кесарийского). Иногда пишут о том, что какие-то из этих черт свойственны анналам «в идеале», тогда как в реальности анналы могут, скажем, составляться не погодно, а ретроспективно, иметь цельный замысел и таким образом сближаться с хрониками.

³¹ Ibid. P. 16. Уайт наглядно демонстрирует эти особенности хроники на примере «Истории» Рихера Реймского (Ibid. P. 17 ff.).

³² Historiography in the Middle Ages / Ed. by D.M. Deliyannis. Leiden; Boston, 2003. P. 73–74 (глава, написанная Х.М. Писарро, называется «Этническая и национальная история, ок. 500 – ок. 1000 г.»).

Я намеренно до сих пор не процитировал ни одной работы, посвященной английским анналам. Дело в том, что применительно к ним традиционно термины «анналы» и «хроники» не разграничиваются. В конкретных работах об английских раннесредневековых анналах встречаются как термины «chronicle», «chronicle-writing» («хроника», «хронистика»), так и «annals», «annalistic-writing» («анналы», «анналистика»). Посмотрим, что пишут об «анналах» и «хрониках» специалисты по английским средневековым источникам.

Едва ли не самым выдающимся исследователем анналистики раннесредневековой Англии был Ч. Пламмер (1851–1927). Своей работе об Англо-Саксонской хронике он предпослал краткие размышления о жанре «хроники», об отличии «хроники» от «истории»:

Хроника – это простейшая форма истории; ранние попытки писать историю, как правило, принимают форму хроник. Когда мы употребляем слово “История” в его полноценном смысле, мы имеем в виду исследование событий, происходивших с людьми, во всей сложности человеческих взаимоотношений и взаимовлияний. Хроника, как следует из ее названия, – это просто рассказ о событиях в хронологическом порядке; и мы едва ли сможем назвать его “историей” до тех пор, пока факты в нем не будут расположены, распределены, сгруппированы по-новому, не будут рассмотрены критически.

Из этого первого различия между хроникой и историей вытекает второе. История, однажды написанная, не претерпевает потом никаких изменений; хронике можно дополнять сколько угодно. История похожа на ткань; в нее нельзя ничего добавить, из нее нельзя ничего изъять, не разрушив ее как целое. Хроника подобна ряду фишек, расставленных с математической периодичностью, который можно продолжать до бесконечности в любом направлении – дополнения окажутся к месту в любой точке этого ряда³³.

А. Грэнсден развивает в сущности эту же мысль:

Литературная история имеет главную тему, логика изложения в ней часто нарушает хронологическую последовательность событий. Это разграничение хроники и литературной истории восходит к Древности: если осуществленный Иеронимом перевод хроники Евсевия – это типичная хроника, то, скажем, “Записки о Галльской войне” Цезаря – это литературная история. Хотя это разграничение существовало на протяжении всего Средневековья, оно не было вполне жестким. Погодные статьи хроник иногда содержат детальные рассказы, написанные столь удачно, что их можно считать почти литературными³⁴.

³³ Two of the Saxon Chronicles. Vol. 2. P. XVII–XVIII. На последующих страницах у Пламмера можно найти важные размышления о жанре «хроник», их специфике, которые стали классическими и часто цитируются (Ibid. P. XVIII–XXII).

³⁴ Gransden. Historical Writing. P. 29.

В другой работе, специально посвященной анализу особенностей средневековых английских хроник, А. Грэнсден пишет:

Хроники, таким образом, следует отличать от историй. Можно также проводить различие между хрониками и анналами. ...под «анналами» обычно понимают хронику с очень короткими погодными статьями... Погодные статьи могли копироваться из более ранних текстов или же составляться самим автором анналов по горячим следам событий. Тем не менее разграничение между хрониками и анналами по названному признаку – очень нечеткое. Очень часто тот или иной текст начинается краткими погодными статьями, а затем становится более многословным, реже – наоборот. Бернар Гене³⁵ называет другой признак, по которому можно разграничивать анналы и хроники. По его мнению, хроника – это компиляция из различных письменных источников, в основном – широко известных, тогда как анналы – это в большей или меньшей степени синхронная фиксация событий. Но и это определение небезупречно: очень часто в начале текста мы видим компиляцию, которая затем продолжается рассказом о современных авторам событиях. В настоящей статье рассматриваются как раз такие тексты, и поэтому для удобства я буду называть их все «хрониками»³⁶.

Как мне представляется, оба возражения А. Грэнсден против разграничения анналов и хроник вполне справедливы. Однако, как я попытаюсь показать ниже, основания для разграничения этих двух разновидностей текстов все же есть.

Д. Хэй (в обзорной работе о средневековом историописании, построенной частично на английском материале) не делает различия между «анналами» и «хрониками», но говорит об «анналистической хронике» («*annalistic chronicle*»)³⁷. Хэй пишет, что «Англо-Саксонская хроника... в своих разных версиях хорошо демонстрирует эволюцию от записей на пасхальных таблицах к раннесредневековой хронике»³⁸. Содержание ранних погодных статей Англо-Саксонской хроники Д. Хэй характеризует как «последовательность фактографических сообщений, связь между которыми, как правило, анналистом никак не подчеркивается, даже если такая связь очевидна для читателя»³⁹. Хэй пишет и о том, что англо-саксонские хроники (анналы) велись из года в год, но в них имеется обширная ретроспективная часть, основанная на письменных источниках⁴⁰.

Пожалуй, особняком стоит мнение С. Кейнза, который все-таки разграничивает анналы и хроники: «Анналы – это записи, которые делаются

³⁵ Его мысль цитировалась выше.

³⁶ *Gransden. Legends*. P. 201.

³⁷ *Hay. Annalists*. P. 38.

³⁸ *Ibid.* P. 43.

³⁹ *Ibid.* P. 44.

⁴⁰ *Ibid.* P. 46.

ежегодно – по крайней мере, в теории – или ретроспективно, фиксируют важные события, случившиеся в течение прошедшего года»⁴¹. Кейнс относит к анналам записи на пасхальных таблицах, ранние образцы английской латиноязычной анналистики (VIII–IX вв.), а об Англо-Саксонской хронике – главном объекте нашего внимания в этой главе – пишет, что она «в основном состоит из анналистических статей, в большей или меньшей степени пространных (*elaborated*)»⁴².

В 2002 г. появилась очень интересная статья крупнейшего специалиста по английским и кельтским средневековым анналам и хроникам Д. Дамвилла, которая так и называется: «Что такое хроника?». Дамвилл выдвигает и обосновывает точку зрения, согласно которой разделять «анналы» и «хроники» нецелесообразно. Какие аргументы приводит ученый? Во-первых, Дамвилл рассматривает историю употребления терминов «анналы», «хроники», а также ряда однокоренных слов, в Античности и Средневековье. По мнению ученого, четкого разделения между ними никогда не существовало и, более того, латинское слово «анналы», в общем, тождественно слову «хроника», заимствованному из греческого языка. Оба слова обозначают тексты, связанные со временем, в которых события излагаются в хронологической последовательности. Наоборот, как «хроники», так и «анналы» четко отличались от «историй»⁴³. Во-вторых, различие «хроник» и «анналов» долгое время базировалось на гипотезе о том, что последние ведут свое начало от исторических записей на пасхальных таблицах. По мнению Дамвилла, соединение пасхальных таблиц и краткой хроники – это явление, возникшее еще в поздней Античности (с IV в.); раннесредневековые анналы на пасхалиях не являются совершенно независимой от хроник традицией, но восходят к общему с ними корню⁴⁴. В-третьих, само слово «*annals*» в английском языке имеет двойное значение: «погодные статьи» и «анналы» как целый текст; подобное раздвоение свойственно, по словам Дамвилла, и некоторым другим языкам, что, конечно же, неудобно⁴⁵. Большая же часть статьи ученого посвящена характеристике многообразия средневековых хроник, их несводимости к простому, четкому определению. Работа Дамвилла – это один из самых полных и полезных обзоров разновидностей средневекового историописания.

Но вернемся к вопросу о разграничении анналов и хроник. Аргументы Д. Дамвилла против такого разграничения касаются не средневековых текстов как таковых, но лишь внешних по отношению к ним моментов: античного, средневекового и современного английского словоупотребления,

⁴¹ *Keynes S. Annals* // BEASE. P. 40.

⁴² *Ibid.* P. 40–41.

⁴³ *Dumville. What is a Chronicle?* P. 1–4, 7–8.

⁴⁴ *Ibid.* P. 5–7, 9.

⁴⁵ *Ibid.* P. 6.

истории возникновения жанров. Между тем, как представляется, современный исследователь должен исходить прежде всего из того, необходимо ли ему разграничивать те или иные явления или нет, отражает ли такое разграничение реальные различия между средневековыми текстами. Как я попытаюсь показать чуть ниже, имеется несколько признаков, при помощи которых можно отграничить анналы от других, родственных им, форм средневекового историописания. Хотя граница между анналами и хрониками никогда не будет совершенно четкой и непроницаемой, в выделении анналов как особого жанра историописания есть несомненный исследовательский смысл.

Еще одна недавняя работа на эту тему принадлежит С. Фут (2005). Исследовательница констатирует традиционное разграничение анналов и хроник, согласно которому для анналов характерны «минимализм изложения; соединение внешне не связанных друг с другом наблюдений в непрерывающемся паратаксисе; размещение дискретных сообщений на непрерывной шкале годов от Рождества Христова», а хроника – это «более развернутый рассказ о событиях, похожим образом размещенных на хронологической оси»⁴⁶. Сама исследовательница, однако, полагает, что такое разграничение «не особенно полезно»⁴⁷, поскольку самими средневековыми книжниками эти два жанра не разделялись, а наоборот, вместе противопоставлялись «истории». Фут ссылается здесь на аргументацию Д. Дамвилла и полагает, что для анналов и хроник одинаково характерно простое перечисление событий в хронологическом порядке и отсутствие концовки⁴⁸. При этом Фут в своей статье в качестве конкретных примеров приводит исключительно анналы (франкские и англо-саксонские), а к анализу тех хроник, которые с анналами не путаешь (вроде, например, «Истории» Рихера Реймского, фигурирующей в работе Х. Уайта⁴⁹, с которой исследовательница полемизирует) Фут не обращается. Таким образом, новых, в сравнении со статьей Дамвилла, аргументов в пользу того, что анналы и хроники не следует разграничивать, Фут не приводит.

Работа С. Фут ценна, однако, другим. Отмечая такие особенности жанра анналов (исследовательница все время подчеркивает: и хроник), как дискретность, паратаксис, наличие «пустых годов», отсутствие концовки, участие многих лиц в пополнении и редактировании текстов, Фут полемизирует с Х. Уайтом, отказывающим анналам в нарративности и целостном взгляде на историю. Исследовательница настаивает на том, что анналы – это тоже нарратив, а не простое собрание дискретных сообщений о событиях. В анналах тоже можно увидеть сюжетную линию, замысел, принципы отбора

⁴⁶ *Foot. Finding*. P. 89.

⁴⁷ *Ibid.* P. 90.

⁴⁸ *Ibid.* P. 89–91.

⁴⁹ *White. The Value*. P. 17 ff.

материала⁵⁰. Анналы «служили для того, чтобы упорядочить (locate) прошлое народа или сообщества, поместив его деяния на единой оси божественного времени, а значит – в рамках Божьего плана для искупленного человечества»⁵¹. Фут иллюстрирует эту мысль на материале *Анналов Королевства франков* и *Англо-Саксонской хроники*: в обоих случаях, по мнению исследовательницы, несмотря на кажущуюся хаотичность анналов, их составители имели вполне ясный замысел: изложить историю своего народа и королевской династии, поместив их в более широкий контекст истории спасения человечества⁵².

Схожую мысль высказывает Н. Спаркс. На уровне понятий он противопоставляет «непрерывную (continuous) хронику» и «прерывные (discontinuous) статьи анналов». При этом, однако, Спаркс считает, что в *Англо-Саксонской хронике* «прерывная» анналистическая форма – это не что иное, как «хорошо продуманная риторическая модель, предназначенная более для того, чтобы гарантировать логичность рассказа о событиях, нежели для точности хронологии и дат». Анналист «разрывает единство времени во имя единства действия»⁵³. Такой взгляд на анналы скорее сближает их с хрониками, нежели противопоставляет их друг другу.

Итак, хотя применительно к английским раннесредневековым источникам термины «анналы» и «хроники» традиционно не разграничиваются, многое из того, что пишут о «хрониках» британские ученые, как раз подходит к анналам. «Хроники» в том виде, как их описали Ч. Пламмер и А. Грэнсен, вполне соответствуют тому, что другие ученые пишут об анналах. В работе Д. Дамвилла (мнение которого поддержала С. Фут) находим наиболее подробное теоретическое обоснование такого смешения понятий, которое, однако, как я писал выше, касается лишь внешних по отношению к самим этим текстам моментов. Очень важно, что в континентальной историографии, а также применительно к ирландским источникам, анналы и хроники разграничиваются все же достаточно четко.

Мне представляется более правильным говорить о «хрониках» и «анналах» как о двух *разных*, пусть и близкородственных, формах историописания. Традиция, существующая во франкоязычной и, отчасти, в русскоязычной историографии, равно как и в англоязычной литературе об ирландских источниках, кажется мне более удачной. Несмотря на родство и очевидную нечеткость границы между анналами и хрониками, существует, на мой взгляд, несколько вполне определенных признаков, по которым их можно противопоставить.

⁵⁰ *Foot. Finding*. P. 93–102.

⁵¹ *Ibid*. P. 96.

⁵² *Ibid*. P. 97–102.

⁵³ *Sparks N. The Parker Chronicle: Chronology Gone Awry // Cambridge International Chronicles Symposium, 11th–13th July 2008: [Abstracts]. Cambridge, 2008. P. 18.*

«Хроники» определяются исследователями по-разному, однако все сходится на том, что традиция написания хроник на средневековом Западе восходит к весьма популярной в Средние века хронике Евсевия Кесарийского, а точнее – к ее латинскому переводу, осуществленному блаженным Иеронимом Стридонским (IV в.)⁵⁴. Применительно к Средневековью к хроникам относят достаточно разные произведения – от кратких «памяток» по всемирной истории до весьма развернутых повествований. Ни в коей мере не претендуя на окончательность суждений, предположу (на основе приведенных мнений исследователей), что чертами средневековой хроники являются: 1) внимание к хронологии и изложение событий в хронологическом порядке, 2) цельность замысла (изложить историю от Сотворения мира, изложить историю какой-либо страны, города, епископской кафедры или монастыря *от основания*, дать краткий «конспект» всемирной истории и т. д.; сюда же относятся такие черты, как наличие предисловия и выраженной структуры) и 3) наличие автора, этот замысел осуществившего. Последнее не означает, конечно, что хроники не могут быть компилятивными или анонимными – напротив, они чаще всего компилятивны и нередко анонимны. Часто хроника, написанная одним человеком, потом продолжается другим, причем продолжатель может при этом быть анонимным. Однако цельность замысла и, соответственно, выраженное авторство – это черты, которые, как кажется, и отличают хронику от анналов⁵⁵.

Исходя из всего сказанного, а также из моего собственного опыта исследования анналов, считаю целесообразным выделить следующие признаки, совокупность которых и будет составлять определение **анналов**:

1) *погодная форма*: весь текст анналов или большая его часть состоит из погодных статей, посвященных каждая событиям одного года;

2) *дискретность*: в рамках одной погодной статьи могут находиться сообщения о совершенно не связанных друг с другом событиях; погодные статьи могут не иметь никакой тематической связи друг с другом. (Впрочем, если какая-то часть анналов составляется «задним числом» за много лет, ей вполне может быть свойствен *монотематизм*⁵⁶. Это же относится к работе сводчика или редактора анналов: работая с текстами предшествен-

⁵⁴ О хронике Евсевия–Иеронима и ее продолжателях V–VI вв. см.: *Dumville*. What is a Chronicle? P. 11–13; *Суровенков*. Категория времени. См. также § 3.1, примеч. 29.

⁵⁵ Говоря о том, что анналы не обладают «цельностью замысла», я не имею в виду отсутствие у анналистов *цели* (цель, как кажется, есть у любой деятельности), но лишь отсутствие *цельного видения* вновь создаваемого текста. Так, несколько упрощая, можно сказать, что человек, принимающийся в пожилом возрасте за создание мемуаров, имеет и *цель*, и *замысел*, а тот, кто ведет изо дня в день дневник – лишь *цель*. Впрочем, четкую границу здесь провести невозможно – как между дневником и мемуарами, так и, тем более, между анналами и хроникой. Как будет сказано чуть ниже, даже анналы нередко характеризуются ретроспективностью и «монотематизмом», а раз так – имеют свой замысел.

⁵⁶ Ср.: *Алешковский*. К типологии; *Keynes*. The Declining Reputation.

ников, книжник может руководствоваться достаточно цельным замыслом и соответствующим образом отбирать или редактировать материал, т. е. я ни в коей мере не отвергаю подхода С. Фут, о котором шла речь выше.);

3) «открытость» *структуры*: анналы могут продолжаться описанием новых годов, редактироваться, сокращаться и т. д., это может даже происходить в той же рукописи; очень сложно отделить одно анналистическое «произведение» от другого; проще говорить об анналистике как о процессе;

4) *анонимность*: имена анналистов известны редко; зато можно уверенно говорить, что почти каждый сохранившийся анналистический текст – результат работы многих авторов, ведших погодные записи, занимавшихся сводческой работой, делавших исправления, приписки на полях и т. д.

Что касается такой черты, как «краткость» (краткие, сухие сообщения о событиях, а не развернутые, эмоциональные, «литературные» рассказы), то я бы предпочел не включать ее в число признаков анналов. Погодная структура, дискретность и «открытость» анналов, равно как и участие в работе над ними многих авторов, способствует тому, что в результате текст анналов иногда оказывается весьма *разнообразным*. Краткие и сухие известия могут перемежаться в нем с развернутыми, «литературными» повествованиями. Это хорошо видно на примере английских анналов: в одной и той же рукописи (скажем, в рукописи *D XI* в.) могут быть представлены как очень лаконичные статьи за период до IX в., так и весьма развернутые и талантливо написанные рассказы о борьбе с викингами в конце IX в., на рубеже X–XI вв., а также о Нормандском завоевании. Некоторые рассказы английских анналов вообще представляют собой образцы аллитерационной поэзии. Поскольку таких примеров можно привести очень и очень много, кажется правильным не считать английскую анналистику какой-то «смешанной», «гибридной» формой, но признать, что анналы могут включать в себя развернутые рассказы о событиях, не переставая при этом быть анналами⁵⁷.

Итак, под «анналами» в этой монографии будут пониматься тексты, рассказывающие об исторических событиях в погодной форме, дискретные, с «открытой» структурой, в большинстве случаев анонимные, но отнюдь не обязательно краткие и сухие.

б. «Летописи» и их соотношение с «анналами» и «хрониками»

Все сказанное об анналах наводит на мысль об их значительном сходстве с древнерусскими летописями. Однако посмотрим на то, как исследовате-

⁵⁷ Я не настаиваю на правомерности этих рассуждений применительно к другим странам. Так, говоря о франкской анналистике эпохи Каролингов, исследователи достаточно четко различают «большие» и «малые» анналы, представлявшие собой две традиции, пересекавшиеся сравнительно редко (см.: *McCormick. Les annales. P. 17–18; Сидоров. «Черная кошка». С. 46–47*). Впрочем, и те, и другие называют «анналами», а «хроники» – это нечто третье.

ли определяют жанр летописи и с какими формами западноевропейского средневекового историописания они ее сопоставляют. Вот некоторые определения древнерусских летописей (ввиду того, что определение летописей не вызывает серьезных разногласий, позволю себе привести лишь небольшую подборку мнений ученых).

Автор обобщающего труда о русских летописях, появившегося, в 1883 г., А.И. Маркевич определял летописи так:

Летописью или временником называют погодный рассказ о событиях, им современный.

Этим названием определяется и самая форма летописи: совершившиеся события изображены в ней исключительно в хронологическом порядке и вносились ежегодно, по мере того, как происходили...

Главнейшим свойством летописи надобно считать ее современность изображаемым в ней событиям; составители заносили события в то время, как они происходили, или разве немногим позже, но по свежей памяти⁵⁸.

М.Д. Присёлков определяет летопись, в отличие от других форм историописания⁵⁹, как «изложение событий по годам»⁶⁰. М.Н. Тихомиров считает летописью «такое историческое повествование, в котором известия расположены под определенными годами»⁶¹. Я.С. Лурье называет основными чертами летописного жанра следующие: 1) наличие сводов, охватывающих историю Руси от начала и до момента работы сводчика; 2) погодные статьи, состоящие как из кратких известий, так и из обширных рассказов; 3) невыраженность индивидуального авторства, редкость замечаний от первого лица⁶².

Д.С. Лихачёв так размышляет об особенностях летописного жанра: «... имея четко выраженное начало, летописи часто не имеют конца, “концовки”, так как конец как бы постоянно уничтожается наступающим на него настоящим, новыми событиями. Современность все нарастает и “убегает” от повествователя»⁶³. «Каждая запись до известной степени самостоятельна, но между ними чувствуется все же пропущенная связь, возможность других записей о других событиях»⁶⁴.

Согласно И.Н. Данилевскому, «летописями в широком смысле называют исторические сочинения, изложение в которых ведется строго по годам и сопровождается хронографическими (годовыми), часто календарными,

⁵⁸ Маркевич. О летописях. С. 1.

⁵⁹ Таких как Древнейший свод XI в. или Галицко-Волынская «летопись» XIII в. – о них см. в § 3.2 и 3.5.

⁶⁰ Присёлков. История. С. 63 (то же на с. 62, 86). Хотя на с. 113 Присёлков называет погодную форму «обычным, но все же не неизменным приемом летописания».

⁶¹ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 34.

⁶² Лурье Я.С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. 1972. Т. 27. С. 76.

⁶³ Лихачёв. Поэтика. С. 256.

⁶⁴ Там же. С. 261. Ср.: Водолазкин. Всемирная история. С. 62.

а иногда и хронометрическими (часовыми) датами»⁶⁵. «Являясь сводами предшествующих текстов, они могут включать хроникальные записи событий за год... документы... самостоятельные литературные произведения... или их фрагменты, записи фольклорного материала. В то же время начиная со времен А.А. Шахматова... каждый летописный свод принято рассматривать как самостоятельное, цельное литературное произведение, имеющее свой замысел, структуру, идейную направленность»⁶⁶.

Т.А. Круглова определяет летопись как «повествование о разнообразных событиях, объединенных внешней погодной сеткой. Структурной единицей летописи является погодная статья, начинающаяся с оборота “В лето...”, т. е. “В год...”»⁶⁷. Согласно Кругловой, «для летописного сочинения типичной является погодная запись, каждое известие (а их может быть от одного и более) которой имеет точную временную привязку – указание на число и месяц, иногда день недели, время суток и т. д. ...В тексте такой погодной записи отсутствует единый стержень повествования, она открыта для дополнения ее другими известиями. Подобного рода записи называются дискретными (прерывающимися) или событийно-перечневыми»⁶⁸.

Таким образом, главной чертой летописей обычно называют изложение событий *по годам*. Кроме этого, в некоторых из определений отмечаются такие черты летописания, как: *дискретность* погодных статей и наличие в их составе текстов разного типа – кратких известий, пространных рассказов и т. д.; ведение погодных записей; наличие масштабных и имеющих цельный замысел *сводов*; «открытость» структуры, т. е. возможность продолжения любого текста новыми записями, переработок и т. п.; невыраженность индивидуального авторства; наличие датировок, более дробных, чем годичные.

Казалось бы, существует противоречие между пониманием летописания как *ведения погодных записей* и как *единовременной и целенаправленной сводческой работы*. На мой взгляд, противоречия здесь нет. Оба эти вида деятельности были в равной степени характерны для древнерусского летописания и оба составляют его неотъемлемую черту⁶⁹.

Многие исследователи отмечали сходство русских летописей с западноевропейским средневековым историописанием – с анналами и хрониками. Посмотрим подробнее на то, с какими западными текстами ученые сопоставляют летописи.

⁶⁵ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 1998. С. 173.

⁶⁶ Там же. С. 172.

⁶⁷ Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 13–14.

⁶⁸ Там же. С. 14.

⁶⁹ См., например: Алешковский. К типологии; Гиппиус. К характеристике; Гимон, Гиппиус. Русское летописание. О разных видах работы летописцев см. в главе 9 настоящей книги.

Еще А.-Л. Шлёцер упоминал о сходстве русских летописей с англо-саксонскими анналами, обращая внимание на наличие в тех и других «пустых лет»⁷⁰.

М.И. Сухомлинов сравнивал русские летописи с византийскими и западноевропейскими⁷¹ и писал: «Сближаясь во многом с хрониками Византийскими, летописи наши во многом и несходны с ними. Самая форма наших летописей, хотя и не чуждая Византийской хронографии, в более близком отношении находится к форме западно-европейских аннал»⁷². Также Сухомлинов высказал мысль о том, что древнерусские летописи, подобно западным анналам, могут вести свое происхождение от записей на пасхальных таблицах⁷³.

А.И. Маркевич помещал русское летописание в широкий исторический контекст – он говорил о летописях древневосточных царей, древних греков и римлян, о средневековых западноевропейских анналах⁷⁴. Именно их ученый считал самым близким аналогом русских летописей; по мнению Маркевича, вопрос о влиянии на них «как западноевропейских, так и западнославянских летописей... не лишен важности»⁷⁵.

А.А. Куник писал, что «древнерусские летописи изобилуют хронологическими данными, богаты годовыми и месячными числами и вполне заслуживают названия *аннал* в буквальном смысле этого слова»⁷⁶.

В.С. Иконников говорил о том, что для русских летописей (*временников*) первична форма, т. е. последовательность годов, а не описание событий. «В этом отношении, как и во многих других, наши летописи сходны не столько с византийскими хрониками, сколько с теми временниками (*annales*), которые ведены были издавна, с VIII века, в монастырях романской и германской Европы, независимо от исторических образцов классической древности»⁷⁷.

Исследователь русского летописания Е.Ю. Перфецкий, в 1921 г. эмигрировавший в Чехословакию, обратился в конце 20-х – начале 30-х годов к изучению чешской, польской и немецкой анналистики. Ученый применил к этим источникам разработанный А.А. Шахматовым на материале русских летописей сравнительно-текстологический метод⁷⁸. Перфецкий проводил и прямые параллели между ходом развития центрально-европейской ан-

⁷⁰ Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвиком Шлёцером... СПб., 1809. Ч. 1. С. 259.

⁷¹ Сухомлинов. О древней русской летописи. С. 27–33.

⁷² Там же. С. 28. То же на с. 33.

⁷³ Там же. С. 28, 33–45, 216.

⁷⁴ Маркевич. О летописях. С. 3–18. На с. 20–23 Маркевич также говорит о византийском и южнославянском контексте возникновения древнерусского летописания.

⁷⁵ Там же. С. 18. Ученый, впрочем, не видит конкретных данных в пользу мысли о влиянии западных анналов на возникновение русского летописания и, скорее, говорит о типологическом сходстве (Там же. С. 48).

⁷⁶ Работа 1895 г. Цит. по: Иконников. Опыт. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 287.

⁷⁷ Там же. С. 288.

⁷⁸ См.: Вовина-Лебедева В.Г. Е.Ю. Перфецкий – исследователь летописания // ВИД. СПб., 2010. Вып. 31. С. 452–454.

налистики и древнерусского летописания⁷⁹; характерно, что ученый всюду называет чешские, польские и немецкие анналы «летописями» и «летописными сводами»⁸⁰.

В исследованиях советского периода вопрос о сходстве между западными анналами и русскими летописями, как правило, не поднимался. Наоборот, иногда подчеркивалась непохожесть русских летописей ни на византийские, ни на западноевропейские исторические сочинения⁸¹.

В статьях В.И. Мильдона сравнивается мировоззрение древнерусского «летописца» и западноевропейского «хрониста». Летописание сопоставляется не с анналами, а с «хрониками», под которыми понимаются тексты весьма различных эпох – от Иордана до Гвиберта Ножанского. Автор приходит к выводу о принципиальном различии летописей и «хроник» – в степени выраженности авторского «я», интереса к причинно-следственным связям, осознание истории как процесса и т. д.⁸² Думается, что столь обобщенное сравнение не вполне корректно, хотя бы потому, что западноевропейское средневековое историописание (впрочем, как и древнерусское) весьма многообразно. Помимо прочего, в Западной Европе составлялись анналы, которые очень схожи с древнерусскими летописями – и в том числе как раз по тем признакам, которые затрагивает В.И. Мильдон.

Особый взгляд на проблему соотношения анналов, хроник и летописей можно найти в работах специалистов по связям средневековой Руси и Польши. Еще в 1884 г. И.А. Линниченко называл древнейшую русскую летопись «переходной ступенью от анналов к хроникам». Польская же средневековая историография, по мнению Линниченко, не знала такой переходной ступени: в ней представлены либо сверхкраткие анналы (рочники), либо цельные, литературные хроники. «...может быть, причиной этому было то, что она возникла по образцу германской историографии, где уже издавна существовали оба рода произведений, притом же древнейшая хроника польская писана не поляком»⁸³.

⁷⁹ «Источники, имевшие решительное влияние на дальнейшее летописание, подобно хронике Бэды, Исидора, Евсевия, русской Повести временных лет и др., которыми пользовался целый ряд летописцев... часто дополнялись и сокращались, в общем иногда не мало теряли из первоначального своего материала, очень часто основные свои черты оставляя в целости... К таким основным летописным источникам, имевшим огромное и исключительное влияние на дальнейшее летописание... принадлежит и Майнцская летопись...» (Перфецкий Е.Ю. Общий источник древнейшего чешского и древнейшего польского летописания // Тр. Ин-та славяноведения АН СССР. Л., 1932. С. 234).

⁸⁰ Там же. С. 207–238.

⁸¹ См., например: Лихачёв. Русские летописи. С. 59–62.

⁸² Мильдон В.И. Летопись и хроника – два образа истории // Культура и искусство западноевропейского средневековья: Мат-лы науч. конф. (1980). М., 1981. С. 351–373; Он же. «Земля» и «небо» исторического сознания (Две души европейского человечества) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 87–99.

⁸³ Линниченко И.А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч. 1. С. 13 (на с. 11–12 см. характеристику жанров анналов и хроник в Польше).

Спустя более чем столетие аналогичный взгляд высказала Н.И. Щавелева. «Русская летопись, – пишет исследовательница, – генетически, несомненно, близка польскому рочнику, как и западноевропейским анналам, и отличается наличием весьма пространных рассказов, характерных для хроники, чередующихся с лаконичными погодными записями, которые свойственны лишь анналу, что дает возможность считать ее хронографическим произведением, синтезирующим в себе хронику и аннал»⁸⁴.

Идея о том, что русские летописи занимают *промежуточное* положение между западноевропейскими анналами и хрониками, весьма интересна. Думаю, однако, что жанр анналов (если речь идет не только о средневековой Польше) невозможно сводить только к кратким записям. Как уже говорилось, «краткость» не является обязательной чертой анналов; в них могут сочетаться погодные статьи самой разной степени пространности. По крайней мере, анналы раннесредневековой Англии, о которых идет речь в этой книге, равно как и многие франкские анналы, занимают как раз такое промежуточное положение между *краткими* анналами и «классическими» хрониками и весьма похожи на древнерусские летописи.

Более перспективным мне представляется подход М.А. Алпатова. Он сравнивает древнерусские летописи именно с анналами, но делает исключение для Начальной летописи. ПВЛ, по мнению Алпатова, «стоит к летописанию периода феодальной раздробленности в таком же отношении, как раннефеодальные “Истории” на Западе – к анналистике времени феодального распада Западной Европы. Поэтому больше всего оснований сравнивать “Повесть” именно с этими ранними западноевропейскими “Историями”... Летописная форма не является к тому препятствием, ибо она не помешала “Повести” быть связным и талантливым эпическим повествованием о всей истории всей русской земли, вместившим в себя элементы всемирных хроник»⁸⁵. Алпатов предлагает сравнивать ПВЛ с такими сочинениями, как «История франков» Григория Турского, «Церковная история народа англо-в» Беда Достопочтенного и др.⁸⁶ В § 3.2 я постараюсь показать, что более правильным было бы сравнивать эти «истории» не с ПВЛ как таковой, но с предшествовавшим ей текстом, не имевшим погодной разбивки; ПВЛ же, при всех ее особенностях, это именно летопись.

В работах последних двух десятилетий неоднократно отмечалось сходство русских летописей с памятниками как западноевропейского, так и западнославянского историописания.

А.А. Гиппиус в ряде статей отмечает сходство древнерусских летописей с западно- и центральноевропейскими анналами⁸⁷; тема типологических

⁸⁴ Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники (тексты, перевод, комментарий). М., 1990. С. 141.

⁸⁵ Алпатов. Русская историческая мысль. С. 103.

⁸⁶ Там же. С. 102–106.

⁸⁷ Гиппиус А.А. Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики // Славяне и немцы: Средние века – раннее Новое время: Сб. тезисов 16 конф. памяти В.Д.

параллелей русского летописания и западных анналов, а также «варварских историй» затронута и в совместной статье А.А. Гиппиуса и автора этих строк⁸⁸. А.М. Ранчин в одной из своих статей рассматривает русскую Начальную летопись в контексте византийского и западного (в первую очередь – чешского) историописания, отмечая бóльшее сходство русской летописи с последним⁸⁹. С.М. Каштанов подчеркнул сходство летописей именно с анналами, а не с хрониками⁹⁰.

Связь древнерусской литературы с византийской хорошо известна, однако известно и то, что первая далеко не всегда была точным «слепком» последней. В частности, как это отмечается в целом ряде недавних работ, древнерусские летописи в большей степени сходны не с византийскими хрониками, но с летописанием (анналистикой) Западной и Центральной Европы – и это несмотря на то, что русские летописцы, несомненно, пользовались византийскими историческими сочинениями как источником⁹¹.

Все сказанное убеждает нас в возможности сопоставлять между собой западноевропейские раннесредневековые анналы и древнерусские летописи. И для тех, и для других характерны: 1) погодная структура, 2) дискретность текста внутри погодной статьи, 3) «открытость» переработкам и дополнениям (и отсюда – постоянное чередование, с одной стороны, ведения погодных записей, а с другой – сводческой, компилятивной работы) и 4) невыраженность индивидуального авторства. Уже сейчас можно выдвинуть рабочую гипотезу о том, что мы имеем дело с *одним видом источников*, встречающимся у разных народов. Считаю также возможным иногда заменять слова «анналы», «анналистика», «анналист» словами «летопись», «летописание», «летописец»⁹².

В то же время, учитывая разнообразие как анналистики, так и летописания, «проницаемость» и небесспорность границы между «анналами» и «хрониками», необходимо помнить, что какие-то древнерусские летописи могут, как это отмечала Н.И. Щавелева, быть сопоставлены не с анналами, а с хрониками.

Для обозначения фрагментов текста анналов в настоящей монографии будут использоваться взятые из литературы о русском летописании термины «**погодная статья**» (или просто «статья»), «**известие**», «**рассказ**»⁹³.

Королюка. М., 1997. С. 24–27; Гиппиус. К характеристике. С. 362; Гиппиус. У истоков. С. 26–27, 34–35.

⁸⁸ Гимон, Гиппиус. Русское летописание.

⁸⁹ Ранчин. Оппозиция. С. 106, 109–113.

⁹⁰ Каштанов. К теории. С. 161–162.

⁹¹ Гимон, Гиппиус. Русское летописание; Ранчин. Оппозиция. С. 112; и др.

⁹² Такое словоупотребление продиктовано, помимо прочего, и соображениями стиля: слова «анналы», «анналистика» и «анналист» иначе пришлось бы употреблять слишком часто. Ср. также приводившиеся выше слова А.Д. Люблинской, определившей анналы как «летописи» (Люблинская. Источниковедение. С. 41).

⁹³ См. подробнее § 2.4.

Также я буду часто употреблять такие выражения, как «**живая летопись**» и «**мертвая летопись**». Эти удачные обороты заимствованы мной у А. Грэнсден. Под «мертвыми летописями» («*dead chronicles*») исследовательница подразумевает летописи, созданные однажды и затем не продолжавшиеся, а под «живыми летописями» («*living chronicles*») – тексты, которые, будучи однажды написанными, затем продолжали пополняться новыми записями, дополняться и редактироваться⁹⁴. В отличие от А. Грэнсден, я буду употреблять эти два выражения только применительно к *конкретным рукописям*. Например, рукопись *A* Англо-Саксонской хроники является «живой летописью», так как она была впервые написана в конце IX или в начале X в., но продолжала пополняться вплоть до 70-х годов XI в. Наоборот, рукопись *B* Англо-Саксонской хроники – типичная «мертвая летопись»: она была создана около 977 г., и затем ее текст никак не изменялся.

В качестве родового понятия, обнимающего анналы, летописи, хроники и прочие тексты на исторические темы, в этой книге используется термин «**историописание**», о котором уже говорилось во введении.

Что же касается **летописных записей (анналов) на пасхальных таблицах** (которые многие считают самой примитивной и первоначальной формой анналов), то я в этой монографии буду рассматривать их отдельно – как одну из разновидностей историописания, родственную, но не тождественную собственно анналам и летописям. В настоящей монографии им будет посвящен § 4.1.

§ 2.2. Комплекс сохранившихся текстов

Начнем с англо-саксонских анналов. Они представлены текстами на двух языках – латыни и древнеанглийском.

а. Английские анналы на латыни

Беда Достопочтенный в последней главе (V: 24) своей «Церковной истории народа англов»⁹⁵ поместил то, что мы бы сейчас назвали «хронологической таблицей». Беда кратко перечислил важнейшие исторические события, начиная сообщение о каждом из них датой от Рождества Христова:

Здесь следует для подкрепления памяти кратко перечислить уже изложенные события, каждое под своим годом.

В шестидесятом году до воплощения Господа Гай Юлий Цезарь первым из римлян пришел войной в Британию и победил, но не смог закрепить свою власть.

В году от воплощения Господа XLVI..⁹⁶

⁹⁴ *Gransden*. *Historical Writing*. P. 29–30.

⁹⁵ Об этом произведении см. подробнее § 3.2.

⁹⁶ *Беда*. *Церковная история*. С. 190. Латинский текст: «*Verum ea, quae temporum distinctione latius digesta sunt, ob memoriam conseruandum breuiter recapitulari placuit.*»